

Утюги и колбы

Часть первая

Записка 1

Дорогой Эдуард Карлович! Поскольку территория моей деятельности находится в нескольких кварталах от территории вашей деятельности, то знакомство наше кроме как шапочным не назовешь, но все же как люди деловых отклонений мы, я надеюсь, пойдем друг друга без лишних амбиций и выкрутасов.

Сразу же хочу вам заявить, что пропажа части вашего товара от 10 февраля сего года — дело простого недоразумения. Я был введен в заблуждение и при первой же возможности верну вам все попавшее ко мне в том же количестве и качестве. Но не хлебом единым живы мы на этой земле. Как чуткая сторожевая собака, давно слежу я за вашим, так сказать, творчеством. Ваша последняя инсталляция, которую вы замутили в дворянском собрании, привела меня просто в уныние. Да вы и сами видели, что у широкой публики, у простых дворян нашего города, затея ваша особым успехом не пользовалась.

Ну, что из того, что на презентацию пришли все эти подлые старикашки, члены различных обществ, сожрали все ваше алкогольное довольствие — и все! Никакого результата! Ни славы, ни денег, ни приличных девочек у вас нет. В прессе ни одной статьи. Радио и телевиденье также никак не отреагировало на все эти ваши штучки, на всю эту, извините за прямоту, мудистику, — не имеющую под собой глубокой эстетической основы, крепкого стержня и идеологического воздействия на кору головного мозга пришедших в зал зрителей. Их кора осталась все той же корой, не отличающейся от коры дуба или собаки.

Но, уважаемый Эдуард, в вас, в вашей деятельности есть элементы подлинной настойчивости, желание идти вперед по нехоженным тропам. И это меня восхищает. Поэтому предлагаю вам соавторство по следующей серьезной акции: давайте вместе замутим экспозицию (пусть там же — в дворянском собрании, или еще где-нибудь), состоящую из старых чужунных утюгов и колб. Эдакое контрастное столкновение грубого и нежного, которое должно создать у зрителя состояние конвульсивного трепе-

та. Я нутром врожденного эстета чувствую грандиозный успех этого предприятия. Весь бомонд ляжет у наших ног, и как собака будет смотреть нам в глаза и обнюхивать обшлага наших брюк. Одному, как вы сами понимаете, такой пласт не поднять. Нужно как-то объединить наши территории именно в этой точке познания, создать своеобразный консорциум, то есть удвоить содействие, как говорят генералы, в данном направлении.

Эту записку я оставляю у той нашей знакомой, куда, как мне известно, захаживаете и вы ненароком. Она вам ее вручит и ваш ответ передаст мне ненароком, когда я зайду к ней в следующий раз. Надеюсь на ваше доброе согласие, поскольку надежда движет всеми нашими чувствами, порою обостряя их до состояния полного откровения друг перед другом.

P. S.

Два слова о себе. Я из дворянского, так же как и вы, сословия. Возможно, что ваш родитель Коровин и мой Репин как-то соприкасались тонкими ниточками родства с теми выдающимися именами, к которым причастны наши фамилии. Все возможно. Но революция лишила нас всего, оставив нам только наши возвышенные чувства и полную независимость души от тела. Я, как и вы, все еще действующий художник-излабист с уклоном в инсталляционную похабель и прочую схоластику. А все, что вам могут сказать обо мне со стороны, то не верьте им ни слова. Все врут от зависти и полной душевной несостоятельности. Распускают про меня всяческие слухи про мою якобы невоздержанность, а некоторые вообще сделали из меня полного эксгибициониста, демонстрирующего свои причиндалы на потеху всего дворянского сословия нашего города. Если такое и было в моей творческой жизни, то это всего только один раз, когда меня выкрали из гостиницы. Как-нибудь потом я вам расскажу всю эту историю с полной достоверностью, а пока, как чуткая сторожевая собака, буду ждать вашего ответа.

Ваш Серафим Репин.

Записка 2

Дорогой мой Эдуард! Я безразмерно счастлив, получив вашу записку. Я рад, что вы поддержали мою идею с Утюгами и Колбами (в дальнейшем рекомендую эти предметы писать только с большой буквы) и со свойственной вам энергией включились в дело. Те два Утюга, которые вы оставили у нашей знакомой, я привел в надлежащий вид и радостно вам сообщаю, что у меня к ним появились соответствующие Колбы, такие милень-

кие, такие хорошенькие, что поцеловать хочется их. Они как невесты, стоящие рядом с этими чугунными монстрами.

Воодушевленный вашим участием, иду на дело с гордо поднятой головой. Мы еще покажем всем этим жучкам от искусства, что такое есть наш конгломерат, замешанный на дворянской основе!

Жму руку. Ваш С. Р.

Записка 3

Эдуард! Я как человек зачаточный вас решительно не понимаю! В предыдущей вашей записке вы сообщили, что целиком и полностью поддерживаете мою зачаточную идею в создании нашей экспозиции, а теперь говорите, что создавать такую экспозицию еще рановато, мол, широкая публика вряд ли поймет весь замысел нашей затеи, мол, надо еще подумать. Да хрен с ней, с этой широкой публикой!!! Главное, что мы — эстеты, люди зачаточные, взращенные на идеях марксизма-оппортунизма, оценили всю эту глыбу, свалившуюся на нас в виде нашей идеи. "Широкая публика на "Утюги и Колбы" не повалит", — пишете вы. Но мы же ведь тоже не пальцем деланные, а зачали нас естественной аппаратурой с прибабасами, известными всей общественности. Публику надо подготовить! Хорошо, чтобы вы лично занялись этим. Вы отлично это сможете. Не надо только отчаиваться.

Я в отчаянии от ваших слов! Во-первых, мы выставим у входа на экспозицию обнаженную бабу с ведром и шваброй — пусть она привлекает публику. А рядом на расшатанной табуретке поставим кого-нибудь из наших поэтов (можно того или другого Бурмилова, или же сразу двух), пусть они читают свои стихи с выражением на лице. Пусть выкладывается пуповина зачаточная. Пусть они привлекают публику, и народ повалит! К тому же, у входа можно устроить бесплатную раздачу чего-нибудь такого мелкого, канцелярских скрепок, к примеру, или же гвоздиков. Власти мне уже обещали помочь в этом направлении.

Кстати, мне недавно приснился сон — будто наше Черное море переименовали в Чернильно-крепленое. К чему бы это? Неужели все это как-то связано с "Утюгами и Колбами"?

С почтительным выражением всей своей натуры — ваш С. Р.

P. S.

Чернильно-крепленое... Бред какой-то.

Записка 4

Любезный друг Эдуард! Вы пишете ваши записки на такой шикарной бумаге и так уверенно расставляете все знаки препинания, что я просто в восторге.

Но ближе к делу. Хорошо бы у входа на экспозицию поставить еще (в добавление к вышепоставленным) кого-нибудь из властных структур. Чтоб как-то усилить воздействие. Или же это будет неприлично? Как вы считаете? Стоит ли привлекать власть к нашей идее вообще? А может, поставить просто кого-нибудь в маске? С маленькой собачкой на руках. Пусть она таращит свои глазенки и твякает иногда. Я думаю, что вы согласитесь с этой идеей.

С апофеозным почтением, С. Репин.

P. S.

Хочется ведь все сделать так, чтобы это было на уровне, чтобы не пахло провинцией. Чтобы планка самой экспозиции была поднята на должную высоту. Хорошо бы, конечно, чтобы у входа поставить еще гипсовый бюст какого-нибудь академика с незапятнанной репутацией. А то я как-то в ненастный день, прогуливаясь после удачной сделки, увидел такой на территории одного когда-то процветавшего, а ныне почти заброшенного санатория для старых пердунов, ветеранов КПСС. Так вот там возле небольшого (на два-три тела) морга, прямо у входа в него, на земле стоял бюст академика-физиолога Павлова, а на его гипсовой макушке кот и кошка затеяли похабелю с точки зрения нашей морали. С криками и действиями самого гнусного значения. Мне как эстету просто противно делалось, глядя на весь этот цирк. Но я все же остановился и с нескрываемым интересом стал смотреть на столь разнuzданную картину. Но тут из морга вышла уборщица и со словами: "Раздрючились здесь! Ну, раздрючились!" — стала тоже смотреть на расшалившихся животных. Затем, когда коты закончили свои выкрутасы и убежали, она вытерла макушку академика тряпкой и неприкрытым взором посмотрела прямо на меня: "Раздрючились здесь без всякой совести, всю лысину академику заелозили". Потом она разъяснила мне, что коты облюбовали академика уже давно, потому что вокруг слякотно, а на лысине им чисто и как-то интереснее. Мы разговорились, я дал уборщице завалившуюся в кармане конфетку "Рачки" и пошел восвояси. С ней у меня ничего такого не было, говорю это честно и открыто, как перед баней.

Да, так вот: как вы насчет того, чтобы у входа на экспозицию поставить бюст академика с эротически незапятнанной репутацией?

С долгожданным почтением — ваш Серафим Бескрылый. (Шутка)

Записка 5

Эдуард Карлович! Я же вам четко и правдиво сказал, что с этой уборщицей из морга у меня ничего не было. Почему вы мне не верите и позволяете себе всякие домыслы и рассуждения по этому поводу? Давайте закроем эту тему раз и навсегда.

Давайте лучше помечтаем. Представьте себе, что наша выставка открылась, — и тут в наш город приезжает какая-нибудь знаменитость. Ну, скажем, Алла Пугачева! Приехала и спрашивает: "Скажите, что у вас здесь происходит такого хорошего, интересного, захватывающего?". А ей отвечают: "Ой! Алла Борисовна, у нас здесь происходит выставка, которую замутили два гениальных мутильщика, "Утюги и Колбы" — вы должны все обязательно посмотреть своими умными глазками!".

И вот она приходит на выставку. Я скромно стою, как человек зачаточный, в углу, и ковыряю пальцем стенку. Вы же, Эдуард, как человек более нахрапистый, смотрите на нашу Аллочку своим неприкрытым взором и даже слегка действуете ей на нервы. И тут она видит всю нашу экспозицию... и начинает петь. А потом она раздевается и показывает нам свои прекрасные толстенькие ножки. И даже позволяет погладить их. Я их глажу, смотрю ей с раскаяньем в глаза, а она вдруг дает мне сто баксов. Потом еще сто. Я целую ее в коленку, а она притворно отгоняет меня и дает еще сто баксов. Вы тоже протянули к ней свою трудовую руку, всю в каких-то царапинах, и она — добрая душа — дает и вам тоже сто баксов. Народ в восхищении! А Аллочка сама хохочет таким приятным смехом, что аж Колбы наши начинают тонко позванивать и трястись. Меня очень трудно оторвать от ее колен, но люди меня отрывают... Ой! Какие только мысли не лезут в голову по поводу этой нашей предстоящей экспозиции.

И вот Аллочка уходит. На прощанье мы дарим ей утюг. Как вы думаете, дорогой Эдуард Карлович, прилично ли будет сделать Пугачевой такой подарок? А вдруг она неправильно поймет и обидится? Вдруг она расценит это как намек на ее своеобразные ножки?

А вообще-то, Алла Пугачева — выдра! И нечего нам экспонаты раздавать! Подумаешь — знаменитость! Да мы тут сами все знаменитости одни! Мы сами тут всю погоду делаем без их коленей и голых жоп эстрадных! Правильно ли я рассуждаю, Эдуард, скажи ты мне? Успокой меня. Глаз стал дергаться...

Пока, друг.

Записка 6

Эдуард! Вы меня совершенно не так поняли. Почему вы обиделись на то, что Алла Пугачева дала мне триста баксов, а вам только сто? Это же просто была фантазия. Вы, оказывается, такой впечатлительный, что я в растерянности. Как можно быть таким впечатлительным? Таким, с позволения сказать, инфантильным! И еще: почему вы вновь затронули тему моих отношений с той уборщицей из морга? Почему это вас так волнует? Вы бы лучше думали о том, как побыстрее собрать то количество Утюгов и Колб, которое нам необходимо для приличной экспозиции, ведь вы же сами предложили, что Утюгов должно быть 40, а Колб как минимум 42-45, на возможность их непредвиденного боя. У нас же пока всего 8 тех и 6 этих, блюдошек. Ну да ладно, в таком деле торопливость не нужна, но все-таки — надо действовать активнойей. Вот так...

Что есть Утюг?! Утюг это символ тупой бычьей силы. Это тяжелое грубое железо. А Колба — символ хрупкости, женственности. Утюг — это бидло. А Колба это предмет дворянского направления. Колбы — это мамзели. Утюг, к примеру, в сердцах можно послать в жопу, а Колбу — как ты в жопу пошлешь? Язык не повернется. Утюг это мордоротная прыгть, подлое хамство, он по своей природе мракобес. А Колба это балерина! Разве повернется язык послать балерину в жопу? Не знаю, как у вас, а у меня не повернется. Я люблю Колбы. Когда придет осень, я буду писать стихи... Мне понадобятся хорошие рифмы к слову Колба. Эдуард Карлович, приготовьте мне к осени их с десяточек, прошу вас как поэт поэта. Хочется, чтоб эти рифмы были возвышенными, легкими, прозрачными, художественно схваченными. У меня с рифмами всегда было как-то туговато, авось вас осенит что-нибудь подходящее. Только не надо такого: Колба — вобла, Колба — по лбу, у меня такого добра и у самого наберется достаточно.

С поэтическим почтением к вам — С. Р.

Записка 7

Досточтимый старик! Почему вы снова и снова с маниакальной последовательностью поднимаете вопрос о той уборщице из санаторного морга? Вы пишете, что нас якобы видели, как мы с ней вошли в помещение вышеозначенного строения и пробыли там довольно долго. Плюньте в глаза тому, кто вам это говорит! Да, мы действительно вошли в то поме-

шение всего на одну минуту. Там было темновато. Горела одна какая-то тусклая лампочка. Я помог ей развернуть подаренную мною конфету, она ее тут же съела — и все! И ничего более! Неужели это преступление — угостить порядочную женщину конфетой? Что же тут такого? Я не понимаю. К тому же, конфета эта находилась в моем кармане с незапамятных времен, вся измялась и превратилась черт знает во что. Развернуть ее действительно оказалось трудно, но я кое-как с поставленной задачей, как говорят генералы, справился. Главное, что под обертку набилось всяких крошек и всяческих волос неизвестного происхождения. Ну, да хрен с ней, с этой конфетой! Давайте лучше будем думать о нашей экспозиции. Думать умом — как обогатить каждый экспонат. Вы пишете, что Колбы надо будет поставить горлом вниз. В этом что-то есть схоластическое, но я это предложение одобряю. Как говорят генералы, лишь бы оно стояло. Ну, а как Утюги вы предлагаете поставить? Как показать всю глупую силу этого предмета? Весь его идиотизм? Как заставить посетителя вздрогнуть и съежиться? Как пробудить в нем мысль, что бы он, глядя на Утюг, задумался о своей скудной жизни? Внутренне завыл. Заскулил, как побитая собака. Как нам выкрутить все это так, чтоб все произошло как бы само по себе, но вместе с тем неназойливо и красиво?

К тому же, на выставку придут различные слои нашего населения, придут рабочие, профессура, бандиты, искусствоведы, клоуны, работники прилавка и так далее. Как быть? Как построить цикл лекций (а это целиком ложится на вас), чтобы их содержание устраивало всех? Чтобы удовлетворены были и те, и другие. Одной латынью здесь не обойдешься. И одними "креплеными" словами тоже. Здесь нужна диалектика. Конгломерат. Что-то интегральное, разгерметизированное, покрашенное свежей краской.

А все-таки Алла Пугачева — выдра. Хотя может быть, именно к ней нам надо будет обратиться за спонсорской поддержкой.

С приятным оскалом к вам, С. Р.

Записка 8

Досточтимый сэръ! До глубины души задели вы меня своим недопониманием вопроса об Утюгах и Колбах. Как можно было додуматься до того, чтобы раздавать наши экспонаты всяким придуркам и знаменитостям?! Вы что же, не понимаете, что эта акция превратит наши незатейливые предметы в золото?! Да, да, да! Каждый Утюг и каждая Колба, прошедшие столь пристальное внимание общества, наберут огромное эстетическое, политиче-

ское и даже историческое значение. Каждый из этих предметов станет символом нашего порыва. Как можно не понимать того, что является деянием?

Наше житие и наше деяние должны быть знаменем нашей эпохи. Когда вокруг идет процесс яростного обогащения одних и не менее яростное обнищание других, то мы как эстеты, сэр, должны яростно вздрогнуть, взбодриться и на крыльях добра влететь в это болото со своей экспозицией. Как непризнанный коммунист, верный сообщник марксизма-оппортунизма — я категорически против раздачи Утюгов и Колб в руки нашей буржуазии. Пусть наша буржуазия засунет свои руки в жопу!

Руки прочь от экспозиции, цель которой встряхнуть общество, вывернуть его наизнанку и попытаться облагородить стеклом и железом.

Ваш С. Р.

Записка 9

О какой Веронике Кнут идет речь в вашей записке? Я не знаю таковой как искусствоведа или арт-критика. Она что, что-то понимает в Утюгах и Колбах? Она видела когда-нибудь эти предметы, наполненные смыслом? Сознанием? Видела их как имеющих свою собственную душу и свое мироощущение?..

Эдуард, я заклинаю вас: не распыляйтесь. Идея созрела и не должна быть опорочена субъектами, в ней не сведущими.

С. Р.

Записка 10

Дорогой Эдуард Карлович! Я рад, что вы поддерживаете меня в выборе спонсора в лице легендарной Аллы Борисовны. Но при чем здесь английская королева? Вы что, шутите? Такие шутки в нашем деле, я считаю, неуместны. Да, английская королева могла бы отвалить пару сотен дукаатов, но как мы на нее выйдем? У вас что, есть на нее выход? Если у вас действительно есть возможность выхода на эту досточтимую леди, то я вас умоляю — попробуйте! Пусть она тоже потряхнет мощной, по силе возможности. А может ли еще кто-нибудь потряхнуть мощной? Ведь нам в скором времени понадобятся большие средства для аренды выставочного зала, для презентации и еще для целой кучи непредвиденных расходов.

Ваш — человек, думающий умом — Серафим Репин.

Записка 11

Эдуард! Шутник вы мой новоявленный. Наша переписка по поводу Утюгов и Колб должна носить строго серьезный характер. Возможно, даже научный. Вы же позволяете себе всяческие клоунады и прочее. Я сам тоже не прочь пошутить, но все же свое время. Нет, я не против хорошей шутки, но тут дело такое, что не до зубоскальства.

Какого черта в своей записке вы снова вспомнили эту уборщицу из морга?! У меня с ней ничего не было — клянусь вам самым лучшим экспонатом из нашей коллекции. Я, пока она ела конфету, предоставленную мной в виде любезности, просто присел на край разделочного стола и немного расслабился. Я же вам говорил уже, что в тот день у меня была очень удачная сделка, связанная со сбытом металла. Выручив довольно приличную сумму, я зашел в учреждение к старику Ярмольнику, принял немного хорошего коньяку и решил пройтись вдоль бывшего Пролетарского бульвара, и таким образом завернул в означенный морг для непредвиденного знакомства с вышеозначенной особой. Да, я немного расслабился и, возможно, пробыл в морге более чем достаточно. Вот и все. И не надо больше об этом упоминать. Мне, может быть, и самому противно всякое упоминание о том случае, который имел место в моей жизни как эпизод, ковьяряющий сознание.

Давайте лучше будем упоминать только хорошее, а дурь всякую гнать поганой метлой из наших мыслей.

С. Р.

Записка 12

Эдуард! Я ждал, когда вы сами заговорите о том вашем товаре, который попал ко мне 10 февраля. А именно: 12 бутылок из-под пива и водки, две пары старых брюк и ношенная до дыр генеральская шинель, 14 килограмм картона и 6 томов, залитых помоями классика соцреализма Феропонта Мухина. Я обещал вам все вернуть, и я это сделаю. Но не берите меня за горло именно сейчас, когда я целиком и полностью занят нашей экспозицией. Кстати, за эти дни я предоставил 6 Утюгов, а вы только 2 Колбы с какой-то дрянью, которую невозможно отмыть никакими средствами. Где только вы их откопали, на какой помойке? Вы только не обижайтесь, дорогой друг, что я в некотором роде задеваю честь вашей территории, но наши экспонаты должны быть безупречны. Вы с этим согласны?

А теперь вот что: вы вдруг предлагаете вместо "Утюгов и Колб" начать

работу над новым проектом "Кирпичи и Гайки". Я в отчаянье! Куда вас заносит? Еще не сделано одно, а вы уже предлагаете хрен собачий. Да, возможно, следующим заходом мы замахнемся на кирпичи, но это дело будущего.

С энциклопедическим приветом – Серафим.

Записка 13

Дорогой друг! Я чуть было не забыл сказать вам следующее: нам надо обязательно на открытие пригласить эту нашу тетку-искусствоведа, как ее... ну, ту, что на всех выставках любит выступать и гнать тюльку насчет связи искусства с космосом. Пускай она и у нас погонит тюльку насчет Утюгов, Колб и космоса. Как они крепко связаны друг с другом. Пусть скажет о том, как космическое начало залазит в колбы и не хочет оттуда вылезти ни под каким соусом. Пусть крепко погонит тюльку о том, что озарение снизошло на нас тоже прямо из космоса, когда мы только задумывали нашу экспозицию. Пускай скажет, что оно поперло на нас сквозь все летающие объедки, то есть, объекты (смешная описка получилась) и двинуло мысль по созданию нашей инсталляции, как обухом по мягкому месту. Пускай эта тетка, не фильтруя базар, гонит все то, что ей в котелок надует. Чем больше будет всякого звездажа космического, тем крепче будет стоять наша идея на своих ногах с коленками, как у Аллы Пугачевой.

С приветом. Ваш Репин.

Записка 14

Господин Коровин!

Какого лысого черта вы в какой уже раз позволяете себе хамские намеки на мою связь с работающей в санаторном морге особой, одаренной мною вышеизложенной конфетой – "Рачки"? Почему именно это слово так подействовало на вашу фантазию? Почему вы вдруг стали развивать свою мерзкую теорию о том, что я специально подарил женщине именно "Рачки", чтобы тем самым сделать намек на особое положение двух тел, занимающихся эротическим разложением в обычной бытовой жизни? За подобные дела раньше просто... не подавали руки, если хотите. А то и перчатку швыряли в лицо и требовали сатисфакции. Если же противник в сатисфакции отказывал, то с него требовали деньги. Если тот вовремя деньги не отдавал, то его ставили на счетчик, а потом делали дырку в голове и умывали руки.

Ах, господин Коровин! Дорогой мой Эдуард Карлович! Вы просто вынуждаете меня сделать признание в том, в чем мне признаваться не хотелось бы ни под каким соусом. Да, черт подери! Да! Действительно, в тот злополучный день я сочетался с Клавдией (так зовут ту особу) самым непотребным образом, целиком и полностью отражающим название известных вам сладостей, будь они неладны. Произошло все это тогда так стремительно, так бурно, что я даже и опомниться не успел, как оказался в роли пыхтящего паровоза в известной вам позиции. Должен вам признаться, что ничего более огненного я не испытывал уже долгие годы.

Но хватит об этом. У нас с вами сейчас другие цели и задачи. Знаете, какая мысль пришла мне сейчас в голову? Если мы откроем нашу выставку и при этом забудем облагородить ее соответствующими ароматами, то грош нам цена в базарный день. В зале должно стоять благоухание, дополняющее нашу экспозицию флюидами добра и счастья. Кроме одеколона "Шипр" в воздухе должны витать неназойливые запахи коммуналки, как то: хозяйственного мыла, лестницы, хорошо обжитой кошки, забытыми ныне примусами и электросчетчиками, крепко засиженными мухами. И если вы не возражаете, то я бы хотел, чтоб в воздухе еще витал аромат старой фетровой шляпы, слегка сдобренной нафталином.

P. S.

Если бы я не был полноценным эстетом-практиком и не питался бы одной только красотой, то и тогда бы я настаивал на запахе, исходящем от вышеупомянутого головного убора. Именно такой запах исходил от Клавдии в тот момент, когда мы с ней вытворяли наши скудные безобразия прямо на разделочном столе, обитом оцинкованным железом. Как я тогда не упал с него — просто удивительно. Он такой узкий, совершенно не приспособленный для подобных дел.

С долгоиграющим к вам приветом — С. Р.

Записка 15

На ваше пустословие, касающееся моих личных дел, я отвечу позднее. В другой раз. А теперь скажите мне, товарищ Коровин! (Фамилия у вас какая-то мычащая.) Могу ли я как эстет выпить хорошего коньяку без всяких отклонений от общепринятой нормы? Как эстет я должен употреблять коньяк, иначе все в мире может разладиться и пойти прахом. Вы хотите этого? Пока я еще в своем уме, чтобы отрицать обратное. Коньяк еще никому не повредил ум своим нежным и неназойливым прикоснове-

нием. Уважающие себя генералы пьют только коньяк. Вы когда-нибудь видели, чтобы в психушке сидел генерал, опившийся шмурдяком до несуразного наполнения брюк с лампасами мочегонным содержанием? Коньяк пьет народ благородный, рассудочный, не употребляющий хамских слов и выражений. Я ни разу не слышал, чтобы генерал, пьющий коньяк, пускал ветры вслух даже при низшем командном составе.

А теперь я каюсь пред вами за содеянное зло нашему делу.

Приходит ко мне вчера один знакомый генерал и требует, чтобы я продал ему тот наш Утюг, отделанный серебром (так вами любимый), и уже прямо сходу сует мне в руки деньги, еще толком не сторговавшись. Я, конечно же, тут же послал его в даль светлую, но он оказался таким настойчивым, таким напористым пронзырой, что я, признаюсь, просто не выдержал. Да, я отлично понимаю, что с таким трудом собираемая экспозиция не должна пойти по рукам, не оказав еще своего главного воздействия на наше непросвещенное общество. Все это я понимаю умом своим бесшабашным, но не устоял, каюсь! Я даже было указал ему на дверь, и когда он поднялся и ушел, то я догнал его уже на улице и вручил ему наше достояние просто насильно. Представляете себе: этот прохиндей уже даже и слышать не хотел о сделке. Он, видите ли, обиделся крепко на мой первоначальный отказ. Тогда мне пришлось назвать цену вдвое меньше, чем он предлагал вначале. Да, я унижался перед ним, как последний дурак, не отдавая себе отчета в своих действиях. Наконец он сдался, и я, получив деньги, тут же приобрел бутылку этого генеральского пойла и, возвратясь в свое прибежище, предался медленному расслаблению своего организма в сторону политического характера. А потом уже появились видения эротического свойства. На эти видения у меня ушло почти полбутылки. Какие круглые жопы видел я в своих видениях! А сисек почему-то не видел. А жопы я видел такие раздолбые, хваткие такие, зовущие во всякие рассуждения о жизни, о бесконечности вселенной, о ее все же конечности, за которой стоит только одна непроглядная тьма, и нет в той тьме ни единого глуска чего-либо, соответствующего нашему представлению о женщинах. Находясь в таком философском состоянии, я взял лист бумаги и написал письмо Алле Пугачевой, в котором в четкой и доступной форме изложил все то, что надо было изложить. А затем, отправив его, пошел пройтись в сторону санатория, чтобы еще раз взглянуть на бюст физиолога Павлова. Подойдя к бюсту, я нашел его каким-то предвзятым.

— А где кошки? — спросил я гипс, стяхивая ладонью комья земли с его лысого пространства.

— У тебя в жопе! — услышал я голос, как бы исходящий из гипса.

Вы представляете себе, уважаемый Эдуард Карлович, какое неуважение к лицу, исполняющему свой долг перед природой!

— Ну-ну, — сказал я, — а хамить не надо.

— С кем это вы разговариваете? — услышал я за спиной баритон интеллигентного происхождения.

Действительно, повернувшись, я увидел перед собой человека в белом халате с приятной улыбкой на свежевыбритом лице.

— А вы кто будете? — поинтересовался я.

— Я главный стринкер данного учреждения. Эстет по натуре, — добавил он, слегка склонив голову вправо.

— Я тоже эстет! — обрадовался я. — Сейчас мы с господином Коровиным собираемся замутить инсталляцию "Утюги и Колбы", — прояснил я ситуацию своего поведения.

— Слышал, слышал, — оживился стринкер. — Коровин — это глыба.

— Он глыба, а я кто, по-вашему? — возмутился я.

— Ну, как же! Ну как же! И вы! И вы, мой дорогой! Ну, как же! Ну, как же может быть иначе, если возникла такая ситуация. Давайте зайдем ко мне, и я подпишу ваши бумаги, — сказал он, любезно улыбаясь и указывая белой ручкой на невдалеке стоящее кирпичное здание.

— А Клавдия там? — спросил я некстати, указывая своей не менее интеллигентной рукою на оцинкованные двери морга.

Лицо главного стринкера неприятно скривилось, и вдруг он пукнул. Громко, неуважительно к моей личности. Тогда я поднатужился и хотел было пукнуть ему в ответ, не менее и убедительно, но у меня ничего не получилось.

— Вот что, мой дорогой, — как ни в чем не бывало, сказал он. — О Клавдии мы сейчас говорить не будем. Клавдия — это запретная тема. А почему вы спросили, там ли она? Вы что, имели с ней половой контакт? Сколько раз? Где? Не в этом ли помещении скорби и конечного пути нашего?

— Ни в каком пути я ее не имел, — почему-то беспшашно соврал я.

— В таком случае вам надо пройти в шестой корпус и там сдать все анализы. Пойдемте, я покажу вам, где это находится, — произнес мой собеседник, ласково беря меня под локоток и, по-видимому, собираясь пукнуть еще раз.

— Нет! — строго сказал я. — Если еще раз это произойдет, то я вынужден буду принять соответствующие меры.

— Я больше не буду, — примирительно произнес он. — Это так, для пунктуации. Ну, вы меня понимаете? Это для отчетности... Вы в каком корпусе расположились?

- Я в своем корпусе.
- Нужно сдать все анализы.

Он начал перечислять, какие анализы я должен сдать, и постепенно стал уводить меня куда-то в сторону, подальше от оцинкованных дверей морга, а затем, как бы в шутку, со словами: "А геморойчика у вас нет?" — резко тыкнул меня пальцем в самый мой анус. От боли я даже вскрикнул и обиделся на это его глупое действие, но стринкер вдруг так ласково улыбнулся, прищурил глаза, наклонился и поцеловал мне руку.

— Особое внимание нужно уделить внешнему оформлению анализов, — сказал он, уводя меня вглубь санаторной зоны.

— А то, что у вас нет геморойчика, так это очень хорошо. Я думаю, что вы вольетесь в наш маленький коллектив без каких бы то ни было недоразумений, и мы сердечно примем вас. С открытой душой, с открытым сердцем.

И тут он еще раз поцеловал мне руку. Целование мне это сильно не понравилось, и я отстранился от него настойчиво и бесповоротно.

Потом в какой-то заброшенной кочегарке он попытался угостить меня тюлькой, но тут я заметил мелькнувшую в темном пространстве тень Клавдии и побежал в это пространство легко и непринужденно, совершенно не заботясь о том, что подумает о нас с ней этот пукающий эстет со своим назойливым вниманием.

Но Клавдия растворилась в насунувшихся на санаторий сумерках. Забравшись под какие-то кусты, я свернулся в комок и заплакал. Некому было меня пожалеть, некому было разглядить мои морщины на челе моем. И на шее моей. И на коленях моих. Некому было прикоснуться губами к сединам моим. Всю ночь мне снилась то Алла Пугачева, то Клавдия. Иногда они сливались в какой-то обобщенный женский образ, и это было так прекрасно, так удивительно, что утром, когда я проснулся в окружении спящих бродячих собак, — я был счастлив. Распространяя вокруг себя счастье, я двинулся на обход своей территории, улыбаясь как внутренне, так и внешне. Прохожие, как всегда, старались обойти меня стороной, но я шел своей светлой дорогой и думал о женщинах, о нашей экспозиции. И только тогда, когда мои мысли натолкнулись на проданный мною Утюг, — мне стало грустно.

Прошу снисходительно меня простить. Больше подобного не повторится никогда. Клянусь вам. Обещаю пересмотреть свое поведение и в дальнейшем вести себя так, как подобает честному соавтору в преддверии нашей будущей славы.

Надеюсь на ваше великодушие. Ваш Репин.

Записка 16

Все, что вы высказали мне, дорогой Эдуард, — все справедливо. Но жизнь есть жизнь, и надо жить дальше. Сегодня я добавил к нашей экспозиции еще несколько экспонатов. Надеюсь, что в скором времени мы снова вернемся в обычное русло нашей творческой деятельности, и все будет хорошо. Я люблю работать с огоньком, с задоринкой! Эх, жизнь! Я вызываю тебя на социалистическое соревнование! Мы еще посмотрим, кто из нас чего стоит.

С. Р.

Записка 17

Дорогой Эдуард! Да сколько же можно разносить меня за мой проступок? Ведь я же повинился, а от повинной головы, как известно, меч отскакивает и не сечет ее. Ну, нашло на меня затмение — с кем не бывает? Можно подумать, что вы совершенно чист перед людьми и совестью. Не судите меня строго. Я сам уже себя осудил, посыпал голову пеплом, перед этим намазав ее вареньем.

Сердечно ваш — Серафим.

Записка 18

Эдуард! Что за напасть такая пошла с этими генералами! Приходит ко мне вчера еще один генерал и представляется как друг того первого генерала (который таким коварнейшим способом выманил у меня один из наших экспонатов), и требует, чтобы я также снабдил его Утюгом! Моему возмущению просто не было предела! Когда я попытался выставить его за дверь, то в суматохе была разбита одна из бутылок из-под коньяка, в которой было еще почти что половина содержимого, а один Утюг исчез, как сквозь землю провалился, после того как генерал покинул мою обитель. Я думаю, что он просто его похитил. Обращаться в прокуратуру, я думаю, — дело бесполезное. Придется смириться и с этим лишением.

Ха-ха-ха! Вот какую новость я узнал только что от одного знакомого депутата — оказывается, генералы зачем-то посыпают Утюги солью, а затем ставят их для красоты на карнизы своих каминов и по вечерам, грея ноги у огня, любят их видом. Кто бы мог подумать, что Утюги так

действуют на их эстетические потребности? У меня просто нет слов! Может быть, у вас есть какие-то слова, объясняющие с научной точки зрения все происходящее?

Записка 19

Не ожидал я от вас, господин Коровин, такого набора неприличных слов, которые вы позволили себе в мой адрес. Представляю себе, как вы брызгали слюной, сочиняя свое послание. Кстати, очень много грамматических ошибок. Очень много. Будь это школьное сочинение, то я бы вам поставил двойку. Жирную такую, увесистую. С длинным, как у змеи, хвостом. Но шутки в сторону. Нам надо продолжать наше дело, несмотря ни на какие преграды. Наше будущее не должно быть омраченным всяческими недоразумениями. И вы, уважаемый Эдуард Карлович, абсолютно правы, когда говорите, что с умным легче потерять, чем с дураком — найти. Это же надо додуматься — посыпать Утюги солью, а потом любоваться их внешним видом! Не понимаю я этих снобов с погонами.

Ваш С.

Записка 20

Коровин! Я даже не мог предположить, что вы такой неугомонный человек. Да угомонитесь же, наконец! Сколько можно обзывать меня всяческими словами, не имея на то достаточных оснований? Успокойтесь, и все будет хорошо. Только что ко мне в руки попали сразу четыре Утюга и несколько Колб. Сейчас я их привожу в надлежащий вид — чищу, мою, посыпаю солью. С посыпанием соли — это, конечно же, шутка. Надеюсь, вы поняли, к кому она относится? А то вы все принимаете на свой счет. Не надо на меня обижаться. Кто старое помянет — тому генералы по ночам сниться будут. Голые, но в сапогах и в фуражках. Вы хотите себе таких снов? То-то же!

Ах, какая гениальная мысль пришла мне сейчас в голову! Нам нужно обогатить нашу экспозицию не только поэтическим словом, ароматами ушедших дней и так далее, но еще создать некий апофеоз, некий взлет духа человеческого. А для этой цели нам необходимо запустить в экспозиционное пространство несколько настоящих идиотов. Пусть они ходят между высокоприглашенными лицами и кривляются, и создают атмосферу философского характера. Обеспечить выставочное пространство вышеназван-

ными товарищами возлагается на вас, мой дорогой. Я думаю, что среди ваших знакомых вы без труда подберете необходимый контингент и в нужном количестве. Я думаю, что личности три-четыре будет вполне достаточно.

Ну, как вам эта идея? Конечно, здесь может произойти и не контролируемый эффект. Кто-то из этих товарищей может, например, присесть где-то в уголке и начать справлять большую нужду. И что мы тогда будем делать? Сомнения, сомнения, сомнения... Но судя по тем флюидам, которые идут сейчас ко мне прямо на кожу от неизвестного мне предмета, — все будет хорошо! Мне еще никогда не приходило на кожу столько флюидов, как сейчас. Это к добру. Даю установку на добро! Неужели эти флюиды посылает мне Клавдия? Я так часто думаю о ней, что порою просто не нахожу себе места. Вы навряд ли поймете меня. Я и сам себя сейчас не понимаю. Мне кажется, что все это как-то связано с космосом. Порою такое томление бродит в моем теле, что я начинаю петь. Я пою о чистой похоти тела, о Колбах и Утюгах, о судьбе простого человека, не лишённого гордости за свое призвание.

Ваш Репин.

Записка 21

Горе! Горе мне, бедному идиоту! Горе мне, старому дураку! Нет предела моему возмущению! Как жить дальше?! Как существовать мне дальше?! Как жить, есть, пить, спать, мыть ноги, грызть что-нибудь?! Выть хочу я! Выть! Выть! И я вою! Вою, как генерал, которому случайным осколком стукнуло по мошонке при взятии Затруханска.

Записка 22

Да что же здесь непонятного, дорогой вы мой идиот! Сейчас я скажу вам, что произошло в моей томительной жизни, и вы, если вы не полный идиот, должны понять причину стенаний моих! Вам как не полному идиоту признаюсь я! Кричу душою своею! Оскорбленным телом своим! Моя Клавдия, моя ненаглядная уборщица — оказалась мужчиной! Мужчиной!!! Со всеми вытекающими отсюда прибабасами! С мужским детородным отличием и мошонкой. С такими же, как у нас с вами, вместе взятыми. О горе мне! Где были мои глаза?! Где было мое чувство прекрасного? Что делать мне?! Вы же знаете, что для меня чувство прекрасного превыше всего. Превыше славы и денег, превыше моей любви к Алле Бори-

совне. Я вою голосом римской волчицы, которая несет весть о скорби и любви блядской через все закоулки нашей архитектуры и блядского познания жизни.

Так вляпаться, так влипнуть в скверну! Как омерзительно я себя чувствую, вспоминая ее слова: "Как собачки давайте, только как собачки. Иначе я не осознаю всей прелести вашего проникновения, всей вольготности чувств". Тьфу, гадость! Вольготности чувств ему захотелось! Представляю я себе, сколько этой самой вольготности предоставлял ему этот главный их стринкер в мое отсутствие! А возможно, что и другие члены их коллектива, их педерастического заведения. Иногда я задаю себе вопрос: "А как бы поступил на моем месте Хренников, Исаковский и Долматовский?". И не нахожу ответа...

Записка 23

Что же здесь непонятного, дорогой мой Эдуард? Клавдия оказалась мужчиной. Развратным соблазнителем невинных объектов, каким оказался я. Как я вам уже сообщал, что с ней, то есть с ним, мы неоднократно удовлетворялись способом конфеток "Рачки", будь они неладны! И всегда Клавдия, то есть "он", предлагал мне сам именно этот способ, сам помогал ввести мое детородное начало в свое, с позволения сказать, лоно. Ну да хрен с ним, с этим его лоном! Я-то ведь не разглядывал, куда он вводил меня, в какие заблуждения. Признаюсь откровенно, что я не чувствовал особой разницы между тем, что называется женским началом, и его, как оказалось, — лоном, пока (однажды) тот человек-покойник, что лежал на соседнем столе, не застонал вдруг и не приподнялся, глядя на нас, как бран на новые ворота. От страха я просто свалился с нашего с Клавдией разделочного стола и вдруг увидел все собственными глазами. Увидев все это воочию, я чуть было не потерял сознание. Оживший покойник — старый член партии — стал нас сильно стыдить, обзывать педерастами, и тут еще, вдобавок ко всему, открыв дверь своим ключом, в морг вошел стринкер, и толком не разобравшись, что здесь происходит, с обвинительными речами и действиями накинулся на ожившего члена партии, грозя ему полным разоблачением в педерастии и невежестве. Как бы не замечая меня, стоящего в согбенной позе, он хамски полез к Клавдии, как-то нехорошо рыча и скалясь. Скандал произошел тут же, когда в морг санитары принесли на носилках новый труп, а тот старый вдруг выбежал наружу в сильном возбуждении, выкрикивая какие-то слова в адрес нашего пра-

вительства и пропавших вкладов на сберкнижках всего советского народа. Вот все, что я могу сообщить по данному вопросу. И еще одну деталь: оказывается, руководство этого санатория сдает часть своего морга в аренду какому-то предприятию, которое содержит здесь своих покойников за довольно приличную плату.

Ваш (чуть было не написал – педераст) С.Р.

P. S.

Дорогой Эдуард! Как мне после всего этого смотреть в глаза нашей молодежи? В мои 72 года от роду мне трудно поверить в содеянное мной. Хотя Алла Борисовна, наверное, не стала бы меня так строго осуждать, как я чувствую, будете осуждать меня вы. Она бы, я знаю, меня бы поняла и простила. И возможно, что даже обняла бы меня ласково и поцеловала бы нежно с приятным ароматом дорогих духов, с учтивостью и слезами умиления.

Записка 24

Эдуард, я понимаю, что в вашем лице я потерял свое лицо, но жизнь есть жизнь. Как вы не можете этого понять? Жизнь толкнула меня в канаву, и я искренне надеюсь на вашу дружескую руку. Ну что же мне теперь делать? Да, оступился. Да, опаскудился. Да, я согласен со всеми теми словами, которые вы произнесли в мой адрес, но давайте будем снисходительными друг к другу. Возможно, что и вы, несмотря на такой же преклонный возраст, тоже волею судеб сделаетесь педерастом еще покруче, чем я. Зарекаться от такой напасти, я думаю, не следует. Возможно еще, что вы сделаетесь не плюсовым педерастом, а минусовым — ну и что ж? Я над вами смеяться не буду. Я пойму вас. Я первый подам вам руку дружбы и справедливости.

Эдуард, я понимаю, что открытие нашей концепции на носу. Раз вы решили открыться на этой неделе, то пусть так и будет. Раз механизм запущен, то пусть все будет, как будет, то есть на самом высоком уровне. Это очень хорошо, что завершающую часть нашего предприятия вы взяли на себя. Прямо сегодня же я (через нашу знакомую) предоставляю свою часть экспозиции в ваше распоряжение. И в знак нашей дружбы верну вам все те предметы, которые 10-го февраля попали ко мне по обоюдному недоразумению. Вы сами отчасти виноваты в том, что оставили свой товар без присмотра и надлежащей охраны. Другой на моем месте сделал бы вид, что ничего не брал, но я человек чести и зачаточности. Взял чужое, а возвращаю

как свое — в бережной сохранности, но без генеральской шинели, которую в знак нашей дружбы я подарил Клавдии еще тогда, когда для меня она была женщиной. Я надеюсь, что недостача такой малости не огорчит вас, не заставит произвести в мой адрес оскорбительных слов и жестов.

Записка 25

Эдуард! Хотя вы так отвратительно ответили на мою предыдущую записку, я все-таки считаю, что вы — гений! Все сделано просто великолепно! Экспозиция потрясает. Как хорошо, что Алла Борисовна будет на открытии. Как хорошо, что будет много прессы и телевиденья. Как хорошо, что представители власти дали свое согласие присутствовать собственноручно. Как все здорово! Как здорово, что придет та тетка-искусствовед и будет долго гнать тюльку про связь наших Утюгов и Колб с космосом.

Как вы думаете, дорогой мой Эдуард, можно ли мне пригласить на открытие Клавдию, то есть Колю, не будет ли это шокировать вас? Я столько рассказывал ему про нашу экспозицию, и он так хотел быть на открытии! К тому же он, по-видимому, придет вместе с одним стареньким генералом, а связь с генералитетом в нашем с вами положении никогда не помешает. Ведь мы с вами — что скрывать — обычные труженики "альтфатеров" и "союзов". Но наш эстетический потенциал делает из нас истинных рыцарей духа. Непримиримых созидателей прекрасного. Яростных возделывателей нивы постфривастического искусства.

Итак, до завтра, дорогой мой соавтор. Я знаю, что все будет просто незабываемо. Мы долго шли к нашей цели. Завтра о нас заговорит весь мир. Пусть удача наконец-то повернется к нам передом, и никогда больше не будет поворачиваться к нам задом. Эти блядские конфетки "Рачки" нам с вами не к лицу! Забудем их навсегда. Пошлем их в жопу. Пусть наше прошлое останется там, как пустой сон, ни к чему не обязывающий и никому на хрен не нужный.

Ваш Серафим Репин.

Конец первой части

